

Путана

Михаил Серегин

Восход черного солнца

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Восход черного солнца / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Путана)

Ты – старый, толстый и богатый. Тебе можно все – покупать шикарные иномарки, драгоценности, даже людей. Я – слабая, наивная девчонка. Ты растоптал меня и даже не заметил. Нет, я не наложу на себя руки. Я выстою. Теперь у меня есть цель в жизни. И эта цель – месть. Скоро ты ее почувствуешь...

Содержание

Михаил Серегин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Серегин

Восход черного солнца

Он бросил ее на кровать.

– Ну вот мы и добрались до самого интересного момента.

Она лежала на спине и пыталась рассмотреть его лицо в отблесках света, льющегося из окон дома напротив. Готовясь к приятному вечеру любви, Петр прежде всего выключил в комнате свет, и глаза девушки еще не успели привыкнуть к темноте.

– Но я не хочу сейчас, – пробормотала Катя.

– Если бы не хотела, не встречалась бы со мной два месяца подряд. Надеюсь, ты понимаешь, что мальчику нужно от девочки? – одноклассник шустро прильнул к ней и стал целовать в губы и шею.

Она старалась отстраниться.

– Может, мы повременим еще немного?

– А чего ждать? Пока ты станешь бабушкой, а я дедушкой? – Петр стал расстегивать пуговицы на ее блузке.

И через несколько секунд Катя почувствовала, как его руки легли ей на грудь, после чего ее разум помутился, и она превратилась в неумелую, но жаждущую любви самочку.

Что с ней произошло, Катя осознала гораздо позже – часа через два – и вынуждена была себе признать, что все это ей понравилось. Хотя и было в первый раз.

– Ну как? – поинтересовался Петр, натягивая плавки.

– Не знаю, – Катя пожала плечами, – мне не с чем было сравнивать...

– Можешь считать, что сегодняшний день ты прожила не зря.

* * *

– Сними платье!

– Не буду!

– Снимай!

– Не хочу!

– Катенька, ну снимай же!

– Мама, я не хочу сейчас заниматься примеркой.

Мать стояла перед дочерью, держа в руках только что сшитый сарафан.

– Постыдилась бы, я два дня сидела! Все выходные потратила.

– Ну что же я теперь должна делать! – взвизгнула дочь. – Я опаздываю. Меня уже ждут. И почему нужно постоянно лезть ко мне в самое неподходящее время?

Вера Сергеевна Вербова пристально посмотрела на дочь: с чего бы это она сегодня такая упрямая и раздражительная?

Женщина отложила в сторону только что законченную одежду и больше не стала настаивать и уговаривать свою шестнадцатилетнюю упрямицу.

– Когда придешь? – только и спросила она. Часы в небогато обставленной комнате показывали без десяти шесть.

– Не знаю, – отрывисто бросила Катерина, засовывая свои стройные ножки в красные туфли на высоком каблуке. – Сегодня будем веселиться по полной программе.

– Ну да, ну да... – Мать знала, что у Катинного друга Петра, который учится в параллельном классе, сегодня день рождения. Парню уже семнадцать, он чуть постарше ее дочери.

Вера Сергеевна знала жизнь, и поэтому совсем не была уверена, что у молодых – ее дочери и ее парня – что-то получится серьезное, и после окончания школы они сыграют свадьбу. А так умудренная жизненным опытом женщина считала всю эту беготню с мальчиками весьма небезопасным занятием – ведь можно и залететь. Кто тогда будет все это расхлебывать?

– Постарайся вернуться до двенадцати, – попросила мать, заранее зная, что ее просьба не будет выполнена.

– Хорошо, – бросила на прощание высокая, худенькая блондинка, с аккуратно подстриженными под каре волосами, и выскочила за дверь.

Свобода! Как это здорово, в начале сентября выкатиться на улицу и отправиться к Петьке на день рождения. Они встречаются уже пять месяцев, а поздравлять друг друга с днем рождения еще не приходилось. Так уж получилось, что первой должна она прийти к нему в дом. Подарок подбирала долго. Пока шла к автобусной остановке, вспоминала, как мурыжила продавца на рынке.

Разъевшийся мужик, которому надо бы торговать мясом, а не туалетной водой, скрипя зубами от внутреннего раздражения, дал ей понюхать не один флакончик. Наконец она выбрала тот запах, который ей показался самым подходящим для Петра. Туалетная вода «Люди в черном» была весьма популярна в этом сезоне, и девушка надеялась доставить приятное своему кавалеру.

Петр вместе с отцом и матерью жил в новом девятиэтажном кирпичном доме. Квартиру эту они купили совсем недавно, и сейчас, по словам Пети, папа вбухивал все деньги в ремонт.

Кате было приятно, что ей оказывает внимание сынок обеспеченных родителей. Они с мамой обитали в старенькой пятиэтажке. В их квартире не на что было смотреть – единственная комната, убогая плита на кухне да газовая колонка в совмещенном санузле.

Время от времени после встречи с Петром Катерина чувствовала себя обязанной. Уж слишком много родительских денег он тратил на нее. За первые два месяца знакомства Катя ничего ему не позволила – до койки дело не дошло. И если бы кто-нибудь узнал об этом, то был бы немало поражен тем, как много терпения у Петра. Ведь по нынешним временам, насколько Катя знала, путь от знакомства до начала интимной связи измеряется даже не днями, а часами.

Проехав несколько остановок, Катерина вышла из автобуса и направилась к его дому.

Петр открыл дверь быстро.

– Ты один?

– Один, – подтвердил он. – Проходи в зал.

Стол, уставленный фарфором и хрусталем, горящие свечи... Гостья даже немного опешила от такого великолепия, потом перевела взгляд на него.

– Ты такой взрослый... Рубашка, брюки...

Петр чмокнул ее в щеку и предложил занять приготовленное для нее место. Катерина с благодарностью опустилась на мягкий стульчик и продолжала переводить восхищенные глаза с хозяина квартиры на роскошное угощение.

– Ты что, все это сам... – девушка обвела рукой стол.

– Тихо, тихо, – предупредил он ее. – Конечно, все сам. Только не размахивай, пожалуйста, руками над столом, не хочется, чтобы что-то упало и переколотило посуду. За этот хрусталь мне родители голову оторвут.

– Ты дерзкий, – похвалила Катя его.

– Тем и живу, – самонадеянно ответил Петр, усаживаясь напротив и по-мужски хватаясь за бутылку шампанского. – Вот и стукнуло мне семнадцать.

Петр начал отдирать фольгу. Когда добрался до пробки, получился небольшой конфуз. У мальчика не хватало сил выдернуть пробку и добраться наконец до игристого напитка. Гостья смотрела на его муки и терпеливо ждала.

– Ну что, никак?

Он показал ей раскрытую ладонь.

– Подожди, сейчас мы соберемся с силами и вскроем эту бутылку.

Взяв приготовленное полотенце, Петр обернул им пробку и напруг все свои далеко не внушительные мускулы. Наконец зловредная пробка сдалась и шампанское полилось в бокалы. И в этот момент Катерина вскочила со своего места.

– Ты куда? – не понял он.

– Подожди, я забыла о подарке.

Катерина вернулась в комнату, держа в руках флакон туалетной воды. Он отставил бутылку с шампанским в сторону и взял из ее рук «Людей в черном».

– Спасибо. В принципе, для меня подарок – твое присутствие.

Петр передал ей бокал и предложил выпить «на брудершафт». У Катерины не оставалось никаких сомнений – сегодняшний вечер наверняка закончится постелью. Ей было хорошо в гостях у Петра и именно этого и хотелось. Она даже не могла представить себе, как удачно все сложится. Ведь зачастую молодежи и уединиться-то порой бывает просто негде.

* * *

Вера Сергеевна была радехонька, что Катя вернулась сравнительно рано – всего в десять минут второго ночи. Всякий раз, когда дочь уходила на какие-то свои молодежные мероприятия, мать не смыкала глаз, пока ее «сокровище» не вернется. Женщина волновалась, нагоняя на себя страхи.

– Я просила в двенадцать! – жестко напомнила мать, но ее замечание не возымело никакого действия.

– Мама, я в душ и спать. Завтра в школу, – отмахнулась от материнского упрека дочь и направилась к себе.

* * *

На большой перемене, между третьим и четвертым уроками, Петр отыскал свою подругу и, взяв за руку, отвел в сторону.

– Ну как, Вербова, тебе вчерашний вечер? – поинтересовался он.

Катя закатила глаза:

– Все было замечательно. Только больше, пожалуйста, не по фамилии...

– Сегодня пойдем куда-нибудь? – он держал ее за руки, не стесняясь взглядов учителей и учеников, проходивших мимо.

– Можно, – согласилась она. – Давно не были в кино.

Он утвердительно кивнул головой:

– В кино так в кино. Я думаю, тебе все равно, на какой фильм мы пойдем?

– Про любовь, – заказала Катерина.

– Слушаюсь. – Петр взял ее за талию и чмокнул в губы. – Что у тебя сейчас?

– Геометрия.

Услышав ее ответ, он наморщил нос.

– Мне больше повезло. У нас география. Зайду сегодня за тобой часа в три. Успеешь привести себя в порядок?

– Без проблем.

Катерина вырвалась из его объятий и побежала в свой класс, куда уже входили ученики.

– Дисциплинированная, – громко бросил ей вслед Петр и, развернувшись, пошел к лестнице, ведущей на другой этаж, где должен был начаться его урок географии.

В четыре вечера парочка была уже в центре города и, прогуливаясь, поела мороженое и гамбургеры. До начала киносеанса оставалось еще два часа. Времени было достаточно для того, чтобы вдоволь пошататься по магазинам.

Катерина любила глазеть на витрины, находила в этом удовольствие. Она понимала, что пока в ее жизни не появился еще человек, который мог бы, зайдя в любой магазин, сделать для нее дорогую покупку.

Пока у нее был Петр, и это сегодня было тоже неплохо. Ее приятель сорил деньгами намного больше, нежели средний одиннадцатиклассник, и проявлял к ней заботу и внимание, а что еще нужно? Любила ли она его? Этот вопрос Катерина задавала себе не раз. И ответ всегда, даже когда Петр был к ней особенно нежен и внимателен, выпадал отрицательный.

В школе Петя был одним из самых модных мальчиков, хорошо одевался, курил дорогие сигареты. Вокруг него постоянно вертелись его одноклассники, мальчики победнее и поскромнее. А Катерина тоже выделялась своими внешними данными из массы своих сверстниц и была тем самым цветочком, который мечтает сорвать всякий мужчина. Она сознавала это, но пока не стремилась завести себе ухажера с плотно набитым кошельком, что, кстати, удалось одной из ее подруг.

Вначале узнав, что за Ленкой заезжает на машине какой-то лысый дядька лет сорока пяти, Катерина долго смеялась. Однако, когда ее одноклассница явилась в школу в безумно дорогой норковой шубе, чем потрясла всех, насмешки сразу же прекратились.

Катерина должна была признаться себе, что такой случай ей пока еще не представился. Никто не дарил ей цветов и дорогих вещей, не рассуждал об отношениях между мужчиной и женщиной. У нее был Петр. Петя-петушок, золотой кармашек. У него всегда водились денюжки, и это было классно. Если же говорить о любви, то Катерина мечтала о высоком, плечистом атлете, который бы ездил на «шестисотом» «Мерседесе» и имел прекрасный дом на берегу Волги.

Однако ее мечты так и оставались мечтами. И так, юная парочка медленно прогуливалась по улице, разглядывая витрины магазинов.

– Пойдем, посмотрим, что там продают, – Катя тащила его смотреть тряпки.

Петр вяло сопротивлялся, хотя не говорил ни слова. Этим он Катерине и нравился. Они вошли в магазин, и в это время у Петра в кармане заверещал сотовый. Парень вытащил телефон, отошел в сторону и приложил аппарат к уху. Это было круто!

Пока Катерина рассматривала пальто, отделанное вышивкой, ее спутник что-то выслушивал по телефону и лишь изредка поддакивал. Наконец разговор был окончен. Он подошел к Катерине и попросил, чтобы она закруглялась со своей инспекцией, так как ему нужно поговорить с ней на улице.

Девушка и сама была заинтригована, ей не терпелось узнать, что же хочет предложить ей Петр, поэтому не стала томить себя ожиданием. Она отложила в сторону шмотки, на которые все равно не было денег, и они покинули магазин.

– Что случилось? – Катя широко раскрыла свои и без того большие серые глаза и приготовилась выслушать Петра.

А он, улыбаясь, нежно взял ее ладошки в свои руки.

– Мне сейчас звонил Николай. Это мой сводный брат по отцу. Я тебе никогда не рассказывал о нем, потому что как-то не было повода. К тому же он взрослый, ему уже тридцать один год. Приглашает меня на вечеринку по случаю его очередного бракосочетания, уже третьего по счету, если, конечно, я правильно осведомлен о количестве его женитьб. В принципе, он – нормальный мужик. Интересно посмотреть, кого на этот раз он подцепил.

– Так это свадьба, что ли? – не поняла Катя.

– Ну какая свадьба, когда человек женится в третий раз, да еще в таком, уже приличном возрасте? Это, скорее, такие дружеские посиделки, хотя, я думаю, невеста будет в каком-нибудь соответствующем платье.

– Ты приглашаешь меня на свадьбу своего сводного брата и, зная мою слабость, привлекаешь платьем его невесты?

– Ну я же знаю, что тебе захочется посмотреть на наряд. К тому же кормить там наверняка будут на убой.

Катерина вспомнила, что обещала маме вернуться домой в восемь.

«Похоже, снова не придется сдержать обещание», – без сожаления подумала она.

– Ну что ж, я согласна. А куда нам двигаться?

– Сейчас поймем тачку, и ты все увидишь.

Они сели в «Жигули» шестой модели – первая попавшаяся машина из тех, что ехали по дороге. Перед тем, как прыгнуть в салон, Петр назвал адрес. Как оказалось, им нужно было проехать в Затон – небольшой поселок, где бок о бок на протяжении нескольких километров стояли вдоль берега Волги дома не самых бедных граждан России.

– Это что, он там живет? – спросила Катерина, когда они уселись на заднее сиденье.

– Да. У него там небольшой домик. Скоро увидишь все своими глазами.

Катерина тут же вспомнила о своей мечте – занять ухажера с большим домом на берегу Волги и «шестисотым» «Мерседесом». На это ее подруга Ленка заметила бы, что Катерина «раскатала губы» и ей нужно купить губозакатывающую машинку, так как вероятность воплощения подобной мечты в жизнь стремится к нулю.

«Жигуленок» остановился у большого дома из красного кирпича. Рядом с трехэтажным коттеджем стояло множество машин, украшенных ленточками и шариками. Катерина видела, что все это были дорогие иномарки, а значит, и гости – люди сами по себе не бедные.

– Классно, здорово, – шептала девушка, пока они шли по дорожке к крыльцу.

– Видишь зеленый «Форд»?

Катерина кивнула и приготовилась узнать, чья же это машина.

– Тачка моего братца. Брал новенькую всего пару месяцев назад.

В доме всюду гремела музыка, слышались какие-то возгласы и смех.

Мужчины в дорогах, преимущественно черных костюмах и женщины в роскошных вечерних платьях не обратили на парочку подростков никакого внимания. Многочисленные гости заполняли огромный дом и, разбившись на небольшие группы, о чем-то оживленно беседовали.

Стол был полон изысканных блюд, каждый мог подойти и положить себе что-нибудь на тарелочку, после чего отойти в сторону и дать возможность подойти другим.

Молодые люди в числе первых подошли к кулинарному развалу. Петр, взяв чистую тарелку, отрезал приличный ломоть буженины, затем положил рядом несколько объемистых ложек салата, после чего предложил Катерине тоже подкрепиться.

– Почему ты не ешь? – удивился он, глядя на подругу.

– Издеваешься? – проговорила она. – Я же держу тарелку.

– Ах да. Извини. – Петр запихал в рот приличный кусок мяса и предложил ей тоже попробовать.

– Да ну тебя, – отмахнулась Катерина. – Я хочу пирожное. Ешь свое мясо сам.

Оставив Петра с полной тарелкой, девушка направилась к той части стола, где были разложены сладости.

– Вам помочь? – услышала она у самого уха.

Катерина повернулась: за ней стоял зрелый мужчина невысокого роста – его макушка едва доставала до ее носа. Одетый в стильный костюмчик серого цвета в мелкую черную клетку, этот субъект напоминал некоего английского сэра или пэра. Его черные редкие волосы

были аккуратно подстрижены, а часть их – зачесана на сторону, прикрывая обширную лысину. В глазах светился приветливый огонек.

– Ну, вот этот можно, – ткнула девушка пальцем в торт, нарезанный крупными, но аккуратными кусками, удобными для транспортировки их по воздуху с помощью лопаточек.

– С удовольствием, – пробормотал дядечка и выполнил ее просьбу.

Петр, заметив, что к его девушке клеится какой-то тип, прекратил поедать буженину и рванулся к своей подруге.

– Пойдем! – Он схватил ее за руку так резко, что кусок торта едва не свалился с тарелки на пол.

– О, извините, – галантно раскланялся дядечка, – я вижу, вы не одна.

Петр бросил гневный взгляд на нахального франта и увлек Катерину по лестнице наверх.

– Куда мы?

– К брату, конечно.

– А почему он не с гостями?

– И там он с гостями. На втором этаже народ гуляет точно так же, как и на первом. Только на третьем никого нет.

Петр оказался прав. Наверху они застали ту же самую картину, с той лишь разницей, что смогли увидеть невесту с женихом, которые сидели за большим столом. Большая же часть гостей обходились без стульев и закусывали, держа тарелки навесу.

– О, Петр! – Николай, увидев парочку, жестом подозвал ребят к себе.

Катерина обратила внимание на высокого, черноволосого человека с простым, гладко выбритым лицом. Природа даровала ему мясистый нос, густые брови и толстые губы, короче, этому типу в результате чего удивительно подходило прозвище, которое получил французский актер Жан Поль Бельмондо: «очаровательный урод».

Рядом с ним сидела крашенная блондинка. Весьма так себе, что девушка отметила с превеликим удовольствием. К тому же невеста была полновата, и что самое главное – старше Кати раза в два.

Катя помнила, что Николаю тридцать один. Можно было предположить, что его жене примерно столько же. Для Катерины возраст в тридцать лет был чем-то далеким и совершенно непонятным. Ей казалось, что в тридцать многие вещи уже невозможны. И она просто не представляла себе, что в этом возрасте еще что-то может начинаться.

Петр представил Николая и Катю друг другу.

В свою очередь жених представил невесту. Как оказалось, ее звали Ира.

Ира не проявила большого интереса к молодым, жених это заметил и предложил парочке быть, как говорится, как дома, кушать и пить все, что душа пожелает. Вечеринка не ограничивалась временным лимитом, после которого, что называется, заведение закрывается, и все разъезжаются по домам. Этот вопрос заинтересовал Екатерину, и она захотела узнать о «регламенте» подобных мероприятий.

– А до скольких все это будет продолжаться?

Петр предложил ей отправиться в дальнюю часть большого зала, где на горизонте маячили обильные столы, и там хорошенько подзаправиться.

– Это уж лучше, чем кино. Как ты думаешь?

– Да, – согласилась она. – Жиры, белки, углеводы. Так что насчет времени?

– Здесь это пиршество будет продолжаться дня два-три. Молодые, по заведенной уже традиции, а я тебе говорил, что Николай женится в третий раз, отправятся через часок-другой наверх. Гости же будут продолжать пить и закусывать еще долго. Потом включают музыку, и начнутся танцульки с обжиманиями.

– Странно, что частые браки не разорили твоего брата.

Катерина не ожидала, что вопрос вызовет удивление у Петра.

– Думаю, это вряд ли возможно.

– Почему?

– Я не назвал бы своего брата лохом. Он не глупее любой из своих жен, в том числе и нынешней.

На некоторое время Петр с Катериной абстрагировались от внешнего мира и самозабвенно занялись поглощением сазана.

Наконец от рыбы остались одни косточки. И тут Катерина почувствовала на своей спине чей-то взгляд и обернулась: на нее смотрел уже знакомый ей невысокий дядечка в сером костюме в мелкую клеточку. При этом он что-то говорил на ухо брату Петра, и тот, глядя на Катерину, согласно кивал головой. Потом жених оставил свою невесту, и они вместе с дядечкой отошли в сторону и там продолжили беседу. Теперь уже на Катю никто не обращал внимания.

«О чем это они?» – мелькнуло у нее в голове.

Но в этот момент Петр дернул ее за рукав.

– Ты любишь компьютерные игры? У брата здесь стоит офигенная техника. У меня дома такой нет. Пойдем оттянемся.

– Что, опять убивать каких-то монстров и бродить по подвалам? – наморщила нос Катя.

– Обещаю, через пару часиков мы спустимся, здесь уже будут вовсю танцульки. Танцульки же тебе больше нравятся? Но, если, конечно, ты в состоянии еще что-то есть, мы можем взять что-нибудь наверх.

Катерина предложила забрать со стола бутылку шампанского и небольшой торт.

– Неплохо, – одобрил он, и парочка поднялась на третий этаж.

Здесь никого не было. В одной из комнат они действительно нашли компьютер с огромным монитором и крутыми колонками.

– Ну вот, – парень, довольно потирая руки, сел в кресло своего брата.

– Ты что! Это же, как я понимаю, его кабинет. Тебе ничего не будет?

– Ничего. Ты думаешь, ему сейчас интересно, чем мы с тобой занимаемся? Николаю интереснее самому отправиться со своей кралей в соседнюю комнату и там забыться.

– Во что ты собираешься играть?

– Quake III. Лучше ничего не видел. Если хочешь, научу тебя. Это не так и сложно.

Вначале Катерина предпочла сесть рядом и пялиться в монитор. Но, как только появилась картинка и заиграла музыка, ей стало любопытно. Через пять минут боя Петр повторил свое предложение. И на этот раз девушка не отказалась. Это действительно захватывало, пользуясь разными видами оружия, убивать своих электронных врагов. Крики, стоны... И в то же время ты понимаешь, что это игра, не настоящая жестокость.

Два часа пролетели как одна минута. Неожиданно в комнату вошел Николай. Он был один, Катерина видела, что брат Петра сильно навеселе и у него прекрасное настроение. Только почему же нет рядом его жены?

– Пойдем поговорим, – растягивая слова, предложил Николай. – Оставь свою подружку на минуту.

Петр сказал Кате, что скоро вернется, и девушка оказалась наедине с компьютером.

Кате показалось, что ее ухажер вернулся быстро.

– Что там от тебя хотел твой брат?

– Да ничего. Просто предложил мне немного заработать. Как ты смотришь на то, что я оставлю тебя здесь на полчаса, а сам быстренько смотаюсь в город за парой бутылок дорогого коньяка?

– А на чем ты поедешь? – поинтересовалась Катя.

– Возьму старую «Ауди» у брата.

– У тебя же нет прав?

– Ну и что? Ездить-то я умею. Всего делов-то.

– А если остановят?

– Если остановят, откуплюсь. В конечном счете, я же не пьяный.

Она не знала, что и думать.

– Ну, ладно. Я буду тебя ждать.

– Вот и умница, – похвалил Петр. – Ты же понимаешь, что нам нужны деньги на наши с тобой выходы в город. Я, как настоящий мужчина, должен что-то зарабатывать.

Она и здесь согласилась с ним и отпустила Петра, попросив его возвращаться побыстрее.

Одиннадцатиклассница сидела и стреляла по чертям, выползающим из разных щелей и выскакивающим из-за углов. Она играла, время от времени прикладываясь к шампанскому и закусывая тортом, большая часть которого еще не была съедена.

Прошло совсем немного времени. В кабинет снова вошел Николай.

– Привет, – бросил он.

– Я вам мешаю? – встрепелась Катя.

– Ничего, ничего. Сиди, – он плюхнулся на мягкий кожаный диван, стоявший напротив стола. – Тебе здесь не скучно?

– Нет. Нормально, – пожала плечами Катя. – Все хорошо.

Он задержал взгляд на недорогой белой кофточке.

– Я смотрю, вы не в парадной форме.

– Но приглашение от вас поступило так неожиданно.

– Да-да, – согласился он. – Пойдем вниз? Я познакомлю тебя с интересным человеком. Это лучше, чем сидеть и нажимать на кнопки. Это реальная жизнь. И в этой реальной жизни человек, с которым тебе предстоит встретиться, весьма богат.

Она забыла про компьютер.

– И сколько же у него денег?

Николай пожал плечами:

– Ну, этого никто не знает. Ты шевелись побыстрее, – его тон не оставлял ей возможности отказаться. – А то у меня сегодня такой день. Мне нужно к жене. А я вот пришел тебя приглашать.

– Спасибо. Я польщена.

– Ну что ты, для хозяина дома это нормально. Я забочусь о том, чтобы всем моим гостям было комфортно.

Они спустились с третьего на второй этаж и направились к столу, еда на котором, казалось, никогда не закончится. Когда они подошли к дядечке в сером костюме, Кате стало неприятно.

– О, спасибо, Коленька, – поблагодарил мужчину виновника торжества, после чего брат Петра испарился. При этом Катерина не смогла не заметить нечто холопское в поведении Николая.

«Наверное, это весьма важная птица, – подумала она. – Раз такой богатый человек, как Николай, расшаркивается перед этим коротышкой».

– Меня зовут Иннокентий Альбертович, – представился маленький господинчик, утративший большую часть своей черноволосой шевелюры. – Что будете пить?

Катерина была смущена столь неожиданным вниманием к себе со стороны этого... состоятельного хмыря.

– Ничего. Спасибо. Я уже нахлебалась шампанского.

– Понятно. Тогда вам просто необходимо напасть вот на этот ананас.

Он взял одну дольку и протянул Кате.

– Спасибо, – поблагодарила она. – А вы не будете?

– Я?

Этот, казалось бы, простой вопрос поставил его в затруднительное положение.

– Ну, почему бы и нет? – тут же согласился он.

Как оказалось, ел Иннокентий Альбертович безобразно. Пока он грыз мякоть, по его подбородку стекал прозрачный сладкий сок и капал на костюм. Капельки впитывались в ткань и становились из-за ее рисунка в мелкую черную клеточку незаметными. И все равно ей было противно.

Когда Иннокентий Альбертович выгрыз всю мякоть до корки, он достал платок и резкими движениями вытер тонкие бледные губы. Потом затолкал грязную тряпку обратно в карман брюк.

Как по заказу, начала играть медленная музыка.

– Можно мне, старику, пригласить вас на танец?

– Вы могли бы спросить для начала, как меня зовут?

– Ах да-да, – он хлопнул раскрытой ладонью по лысине.

– Так как вас зовут?

– Я Катя.

Мелодия была медленная, танцующие разбились на парочки и стали топтаться на месте, словно вращаясь вокруг невидимой оси, и при этом плотно прижимаясь друг к другу. Было впечатление, будто люди не получают от танца никакого удовольствия, а наоборот, только страдают и мучаются.

– Тот парень, с которым я вас видел, это, кажется, брат Николая?

– Да, – подтвердила Катя, стараясь незаметно отстраниться от Иннокентия Альбертовича, который стремился как можно плотнее прижаться к ней.

– И вы давно с ним дружите?

– Уже несколько месяцев.

– Да, да. Молодость. Романтика, – согласился он, продолжая топтаться на одном месте и изредка наступая Кате на левую туфлю. Партнерше было не столько больно, сколько неприятно от его неуклюжести.

«Когда же придет Петр?» – думала она, терпеливо снося домогательства стареющего дядьки.

– Вы высоки, стройны и красивы, – прошептал он. – Для того чтобы поцеловать вас...

Она вытаращила на него глаза.

– Я хотел сказать, если бы я вздумал поцеловать вас, и вы бы мне это позволили, мне пришлось бы встать на носки. Знаете, для мужчины это все-таки унижительно.

– Что поделаешь. Такова природа. Я же не виновата, что выросла высокая.

– О-о, – протянул он, – хотите сказать, что вы не виноваты в том, что я небольшого роста. Знаете, во всем есть свои преимущества. Когда я был в вашем возрасте, мне не составляло труда залезть в набитый битком автобус и отыскать себе местечко на лавке в летнем кинотеатре. Несколько позже мне повезло, и я попал в струю. В результате стал лучше питаться и немного располнел. К тому же, знаете, возраст, малоподвижный образ жизни. Иногда, правда, удается немного развеяться и проявить себя как настоящий мужчина. Ну, вы понимаете, о чем я.

– Нет. Не понимаю, – ответила она серьезно.

– Ну, хорошо, хорошо, – Иннокентий Альбертович похлопал ее рукой по спине, продолжая кружиться на одном месте, в одном и том же направлении.

Катя чувствовала, что еще немного – у нее закружится голова, и она неминуемо упадет. Ей оставалось молиться, чтобы песня на английском языке как можно быстрее закончилась. Но, как назло, конца этому музыкальному произведению не было видно...

– Послушайте, у меня под окном стоит красивая новая машина. Не желаете ли прокатиться, пока ваш приятель бежит по городу, выполняя поручение своего старшего брата?

– А что за машина? – поинтересовалась Катя.

– Ну, это «Ягуар». Один из последних. Знаете, «Ягуары» делают в Англии. Но этот сделан специально с левым рулем, для наших дорог. Хорошая машина. Правда, дороговата, но я все же мог позволить себе ее приобрести.

– И сколько же вы заплатили?

Он картинно закатил глаза.

– Я достаточно скромный человек и не хочу говорить об уплаченных суммах. Это, знаете ли, как мощность у двигателя автомобиля «Роллс-Ройс». Она никогда не пишется. Конструкторы говорят, что этой мощности достаточно. И я бы, подражая конструкторам автомобилей, сказал, что суммы, которая была отдана за эту машину, было именно достаточно. Я считал возможным заплатить ее, чтобы обладать одним из самых лучших и престижных автомобилей в мире.

– Петр обидится на меня.

– Ну и что? – делая вид, что не понимает Катю, сказал Иннокентий Альбертович. – Вы объясните ему, что катались на очень хорошем автомобиле, который вряд ли станет покупать его брат. Во всяком случае, в ближайшее время.

Катерина молчала.

– Я смотрю, вы раздумываете? Может быть, вам кажется, что не стоит тратить время на бесцельные поездки?

Он отстранился от нее и взглянул на часы. Как успела заметить Катерина, они тоже были не дешевыми.

– Давайте с вами съездим в ювелирный магазин, и я присмотрю вам там что-нибудь на тысячу, ну, может быть две, – он выдержал паузу, а затем добавил, – долларов.

У Катерины перехватило дыхание.

– И как же я буду расплачиваться за столь щедрое подношение?

В ее голосе звучала неприязнь. Девушка отстранилась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Никак. Обещаю. Вы просто прокатитесь со мной от коттеджа до магазина и обратно.

Вот и все.

Они вышли на улицу, и тут Катя остановилась.

– Послушайте, где это вы найдете магазин, который работает в половине восьмого вечера?

Он взял ее за руку и повел к роскошной машине цвета спелой вишни.

– Я же не сказал, что повезу вас в государственный магазин. И даже не в частный, из тех, что обозначили себя на улицах. Мы поедем к одному весьма преуспевающему господину, который торгует ювелирными изделиями, скажем так, ради интереса. Он получает от этого удовольствие. А я люблю время от времени наведываться к нему. Примерно пару раз в год. И покупать что-нибудь.

– Для девушек. Да? Вы тратитесь на девушек?

– Ну что вы, что вы. Чаще всего на своих родственников.

В этом Катя очень сомневалась, но ничего не сказала. Когда она села рядом с водителем, он попросил ее обратить внимание на белую кожу, которой был обит салон.

– Ну что ж, чисто плотно, – своеобразным образом похвалила она цвет обивки.

– Да, нельзя не согласиться. Я люблю чистоту и порядок.

Когда они тронулись с места, Катя была удивлена тем, что шума двигателя она не услышала.

– Как тихо работает мотор.

– Да, в Англии умеют делать машины.

– Вы живете в Саратове? – Они выехали на трассу и направились в город.

– Знаете, мне трудно сказать, где я живу на самом деле. Недельку провожу здесь, недельку в Москве, недельку где-нибудь за границей. Потом обратно – круг замыкается. И так уже на протяжении десяти лет. Но, как видите, эта жизнь приносит свои плоды. Я могу провести один

прекрасный вечер с понравившейся мне девушкой, – он бросил заинтересованный взгляд на ее длинные ноги, затем снова уперся взглядом в трассу.

«Ягуар» въехал в город в начале девятого. Иннокентий Альбертович неожиданно остановил автомобиль около казино «Дельфин», сверкавшего сотнями огоньков. Это было очень красиво и, как считала Катя, даже торжественно. Оставив машину на охраняемой стоянке, они вошли внутрь.

Вербова никогда не бывала в игорных домах и представляла себе жизнь подобных заведений лишь по западным фильмам. Переступив порог казино, Катерина была поражена не богатой обстановкой, а царившей там чистотой и блеском. Блестело, сияло и переливалось буквально все вокруг. Мириады сверкающих зайчиков слепили глаза.

Сдавать одежду в гардероб им не было нужно – холода еще не наступили. Шел первый месяц осени – сентябрь. Они сразу же прошли в игорный зал. По пути Иннокентий Альбертович попросил взять его под руку, мол, так будет солиднее. Катина одежда совсем не соответствовала этому заведению и стоила в десять раз меньше нарядов шикававших там дам, которые пришли вместе со своими кавалерами сорить деньгами. И все же на нее сразу обратили внимание.

Высокую блондинку просто невозможно было не заметить. В своей короткой юбочке, белой блузке и легкой бирюзовой кофточке она была очень хороша собой. Продефилировав через весь игорный зал, Катя и ее спутник подошли к служебному входу. Здесь их остановил охранник.

– Куда вы? – довольно вежливо спросил он, а Катя подумала, что при такой комплекции он мог просто рывкнуть, и тогда в радиусе километра вся трава полегла бы от его громоподобного голоса, ну а все живое согнулось бы в три погибели.

Охранник был человеком огромного роста с широченными плечами и тяжеленным подбородком. Он смотрел сверху вниз то на Катю, то на ее спутника. Причем девушка чувствовала, что громила заинтересовался ею гораздо больше, нежели ничтожеством, которое она держала под руку.

– Я – Ларецкий, – представился Катин спутник. – Мне необходимо встретиться с Марком Алексеевичем.

– Подождите минуту, – сказал человек-гора и взял портативную рацию.

Вскоре разрешение на вход было получено, и они двинулись по длинному, освещенному множеством ярких ламп, коридору. Парочка подошла к большой двери, фанерованной разными породами дерева и покрытой блестящим лаком.

– Ручная работа, – отметил Ларецкий, потянув ручку двери. Стучаться он и не думал.

За светло-коричневым овальным столом сидел человек лет сорока с густой черной шевелюрой. Перед ним дымилась чашка с кофе, чуть поодаль лежала такая же портативная рация, что и у охранника.

– Привет, Марк Алексеевич, – поздоровался Ларецкий.

Владелец казино «Дельфин» поднялся и протянул руку для приветствия.

– Хорошо живешь, – сказал он, разглядывая Катю.

– Да, ничего, стараемся. Не хочешь нам показать чего-нибудь из своей коллекции?

Взяв из пепельницы сигарету, Марк Алексеевич поднялся и пошел к одному из шкафов, стоявших в большой комнате. Когда он открыл дверцу стенки, гости увидели, что за ней располагается большой сейф.

– Ну вот, сейчас он нам что-нибудь продемонстрирует, – с довольной улыбкой продекларировал Иннокентий Альбертович.

Катя видела, как хозяин кабинета достает из сейфа какие-то прямоугольные слоты, обтянутые черным бархатом, в которых что-то блестело. Он доставал их один за другим, и, наконец, в его руках оказалась их целая стопка – не меньше двадцати таких лоточков. Все это он

стал раскадывать на овальном столе, и по мере того, как он это делал, зрочки у шестнадцатилетней девчонки расширялись все больше. Такого количества драгоценностей она еще никогда не видела. У нее даже мелькнула мысль, что все это – бижутерия. Вернее, она просто не могла поверить, что все эти украшения из золота, платины, бриллиантов, рубинов и сапфиров – все это настоящее. Неужели вот так запросто в городе, у кого-то в сейфе может лежать фрагмент коллекции Гохрана России?

– Можете полюбоваться, – с довольным видом разрешил Марк Алексеевич.

Катя, не решаясь дотрагиваться до чего-либо, рассматривала кольца, серьги, цепочки и броши.

– Потрясающие вещи. У меня есть еще и жемчуг. Есть черный, есть белый. Показывать?

– Не надо нам жемчуга, – сразу же ответил Иннокентий Альбертович. – Вот я вижу здесь сережки и кольцо. Сколько это будет стоить?

– Ну, – протянул торговец, затянувшись сигаретой. И, выпустив в потолок густую струю дыма, добавил: – Это вряд ли ты осилишь.

Ларецкий этим был явно задет.

– Ну, ну. Ты же знаешь, что я все осилю.

– Но не в данном случае.

Катя не могла видеть, как на нее поглядели оба, потому что была увлечена разглядыванием чудесных вещей.

– Все это будет стоить девять тысяч восемьсот.

– Да? – несколько обиженно произнес потенциальный покупатель. – Действительно, многовато. А сколько ты хочешь за кольцо?

– Разбивать комплект? Но это не самый лучший вариант.

– Так сколько?

– Ну, если у тебя в кармане найдутся три тысячи, то эта вещь твоя.

– Катя, ну-ка дай-ка пальчик, – по-деловому попросил Ларецкий.

Она отвлеклась от рассматривания подвесок и протянула руку. Кольцо мягко скользнуло на безымянный палец левой руки.

– Ты посмотри, как здорово, – торговец подогревал почти уже состоявшуюся куплю-продажу.

– Я возьму, – согласился покупатель и вытащил из внутреннего кармана пачку «зелени».

– Доллары, – прошептала Катя.

Оба мужчины едва заметно ухмыльнулись.

– Пересчитай, – предложил Катин галантный кавалер.

Девочка смотрела, как пачка долларов переходит из одних рук в другие. Когда Иннокентий Альбертович со своей дамой покинули кабинет владельца казино и вернулись в игорный зал, Катя вдруг почувствовала, что кольцо жжет ей палец.

Ларецкий спросил у Катерины, не желает ли она сыграть. Катя жила, словно во сне. Кольцо стоимостью в три тысячи долларов сияло на ее пальце. Девушка никогда еще не носила таких дорогих вещей. И даже если это кольцо ей дали не насовсем, если только на несколько часов, и то она была рада. Катерине казалось, что об этом вечере она будет вспоминать всю свою жизнь...

– Так как насчет игры? – повторил щедрый спутник.

– Я не умею, – в ответ прошептала она.

Иннокентий Альбертович посмотрел на нее снизу вверх и подмигнул.

– Может быть, мы сможем отыграть часть денег, отданных за кольцо? Ты не думай, я не жалею. Просто игра на деньги – это одна из форм бизнеса. Конечно, выигрываешь не всегда, но пробовать все равно стоит.

За следующие полчаса, сидя за крутящейся рулеткой, Ларецкий, по подсчетам Кати, проиграл еще около пятисот долларов. Всякий раз, когда крупные забирали со стола фишки, Иннокентий Альбертович смотрел на Катю. Изредка он шептал ей на ухо про ее ровненький нос и тонкие брови. Потом снова ставил деньги, проигрывал и опять шептал ей, что у нее красивые волосы, пухлые губки. Потом снова делал ставку. И опять лопаточка забирала со стола его фишки.

– Ты высокая. Ты худенькая, – бормотал он, изредка промокая капли пота на лбу.

– Может, стоит остановиться? – забеспокоилась Катерина, и тут он будто вынырнул из какой-то пучины. Глянул на кольцо и уперся взглядом в почти плоскую девичью грудь.

– Да, хватит, – он резко встал из-за стола и, взяв ее за руку, повел к выходу. – На сегодня хватит, да и поздно уже.

– Вы отвезете меня обратно к коттеджу?

– Конечно, зачем ты мне нужна?

Последнюю фразу он произнес неожиданно грубо, и удивленной Кате это не понравилось. Но что она могла теперь сделать?

«Ягуар» понесся к дому Николая, стоявшему на берегу Волги.

По расчетам Кати, они должны были уже подъезжать к дому, где она увидит Петра. Именно в тот самый момент, когда она мечтала о скорой встрече со своим парнем, машина резко свернула с дороги в сторону.

«Ягуар» запрыгал по проселочной дороге.

– Куда вы едете? – взволнованно прошептала Катя.

– Здесь короче, – бросил Иннокентий Альбертович, похотливо оглядывая сидящую рядом с ним девушку. – Не волнуйся, дорогая моя, мы только срежем угол.

– Но тогда нужно было поворачивать в другую сторону...

– Ничего, ничего.

Девушка видела, что сейчас он буквально вцепился в баранку и полностью сосредоточился на управлении машиной.

– Может, нам вернуться на трассу? – робко спросила Катя.

– Зачем же?

Автомобиль выскочил на полянку, освещенную яркой луной, и остановился. Не говоря ни слова, Иннокентий Альбертович запыхтел и протянул к девушке руки с коротенькими, толстыми пальцами.

– Ты что же думаешь, девочка, – шептал он, – я сегодня потерял три с лишним тысячи долларов просто так? Надеюсь, ты не глупая и понимаешь, что за все нужно отрабатывать.

Катя вспомнила о своих недавних опасениях, она ведь понимала, что ей придется расплачиваться за дорогие подарки.

– Вы меня обманули, – прошептала она.

– Не будь душой, – он уже не расстегивал, а просто рвал на ней блузку. Катя же оборонялась, стараясь отстраниться от нахала как можно дальше.

– Нет, – возмутился он, – так у нас ничего не выйдет.

Покинув место водителя, Иннокентий Альбертович обошел машину и открыл дверцу.

– Вылезай!

– Но я не хочу.

– Да мало ли чего ты хочешь, а чего не хочешь. Я не буду тебя спрашивать, дура малолетняя. Подымайся!

Он схватил ее за волосы и выволок из машины. Катя закричала и тут же получила ладонью по губам.

– Не ори, не дома. И я тебе не мама.

Он схватил ее покрепче и бросил на землю, придавив своей короткой, но плотной тушей.

– О, а ты даже совсем ничего, можно забавляться.

Катя вертела головой, стараясь уклониться от поцелуев, однако, в конце концов, его слюнявые губы поймали ее рот. Но тут он начал возиться со своими брюками и на мгновение потерял контроль над Катей.

Она, изловчившись, лягнула его, что есть силы, между ног и была рада услышать вой Иннокентия Альбертовича. Сбросив его тушу с себя, Катя поднялась и кинулась бежать по дороге.

К ее несчастью, Ларецкий, быстро оправившись от удара, устремился следом. Он быстро догнал ее, так как на Кате были туфли с высокими каблуками, бежать в них было трудно, а скинуть она их не успела.

Сильнейший удар по голове опрокинул девушку на землю. Вокруг стало почему-то темно, куда-то исчезли и насильник, и деревья, и луна, и звезды. Однако она слышала пыхтение богатого толстяка, ощущала его слюнявый рот и чувствовала, как он запихивает в нее свое подержанное оборудование...

Все закончилось быстро. Слюнявый коротышка слез с нее и похлопал ее по щекам.

– Вот и все. Что ты рыпалась, я не понимаю? Ну-ка, вставай.

– Я ничего не вижу, – пробормотала Катя.

– Ты, наверное, просто одурела от счастья. – Он протянул ей руку.

– Я же сказала, что ничего не вижу...

Наступила тишина. Иннокентий Альбертович пощелкал пальцами то с одной стороны ее лица, то с другой и, похоже, действительно понял, что изнасилованная им шестнадцатилетняя девушка ничего не видит.

– Куда вы? – Катя слышала удаляющиеся шаги. – Подождите, вы не можете меня оставить здесь. Вы должны меня отвезти к людям.

И тут Катя услышала лязг инструментов в багажнике. Страх за собственную жизнь охватил ее. Вскочив на ноги, девушка бросилась бежать. Она помнила, что проселочную дорогу с двух сторон окружали деревья. И теперь пыталась скрыться в лесу от насильника.

Звон инструментов сильно напугал ее. Она решила, что Ларецкий надумал убить ее, чтобы никто не узнал, что он сделал с шестнадцатилетней девочкой.

Катя не пробежала и двух метров – ударилась о ствол дерева и схватилась за лоб. Сделала шаг в сторону и снова побежала. На этот раз споткнулась и упала, но ужас поднял ее на ноги, и потерявшая зрение Катерина опять побежала.

– Ну куда же ты собралась? – услышала она за спиной громкий голос. – Ты же все равно никуда не уйдешь. Словно слепой щенок, ты будешь тыкаться во все, надеясь, что спасешься, но вряд ли это тебе удастся.

Девушка падала, поднималась, преодолевала несколько метров, натыкалась на дерево или залезала в колючие кусты, но не оставляла надежду уйти от преследователя. Туфли она сбрасывать не стала, хотя бежать в них было неудобно, зато не кололо подошвы.

Насильник быстро нагонял ее. При этом она отчетливо слышала какой-то звон, что-то металлическое было в его руках. Неожиданно почва ушла из-под ног, и Катерина покатилась куда-то вниз.

«Лечу в яму, – подумала она. – Может, это меня и спасет».

Спуск был длинный, и она не знала, куда катится, но девушке очень хотелось, чтобы преследователь отстал.

– Надо же, как тебе повезло? – хохотал Иннокентий Альбертович, стоя где-то наверху...

И вдруг громко зашуршала прошлогодняя листва, и Катя поняла, что он следует за ней. Оказавшись внизу, она поднялась и пробежала еще несколько метров, и тут налетела на пень. Схватившись за ушибленную и оцарапанную ногу, она стиснула зубы и остановилась.

Ужас объял ее. За ней гонится убийца, причем он ее видит, а она его – нет. Если бы луна скрылась за тучи! Может, тогда он потерял бы ее в лесу. Она не представляла себе, куда несут ее ноги. Наклонив голову, она двигалась вперед. Преследователь не отставал.

– Какая ты шустрая! Только подумать, как быстро бегаешь! Может, у тебя уже все хорошо? – в его голосе звучала надежда. – Ты уже прекрасно все видишь? Тогда мне незачем бежать за тобой. Но уж извини, я должен во всем убедиться сам.

Катерина снова услышала металлическое лязганье и, оправившись после очередного падения, вскочила на ноги. Бросившись вперед, она снова полетела куда-то вниз. На этот раз склон был еще более крутым, и она не могла справиться с силой, тянувшей ее вниз.

– Ах ты, наша бабочка, – кошмар продолжался, – куда же ты, бедная?

Насильник по-прежнему преследовал ее. К горлу подкатил комок, Катя чувствовала, что сейчас разрыдается, но расслабляться было нельзя. Сейчас нужно бороться за свою жизнь. Спуск наконец прекратился, и Катерина смогла отдышаться.

Она сделала шаг и неожиданно рухнула вниз, в какую-то пустоту. Все закончилось столь стремительно, что она не успела понять, что же с ней произошло. Когда попробовала пошевелить ногой, почувствовала резкую боль в бедре.

– Ну вот и все, добегалась. Больше тебе не придется скакать и прыгать, – донеслись до нее слова коротышки.

По характерному звону она поняла, что у него в руках металлическая цепь. Между ними оставалась всего пара метров, и уже ничто не могло помешать ему убить Катю.

Ларецкий успел лишь грязно выругаться, после чего девушка услышала непонятный хруст, вслед за которым пронзительный вопль разорвал тишину леса. Ларецкий быстро пришел в себя. Катя злорадствовала:

– Что, ножку бо-бо?

– Все равно я до тебя доберусь, сука.

Цепь, звякнув в воздухе, ударила по больной ноге. Обезумев от боли, Катя, освободившись от сучка, поползла прочь.

– Не догонишь, гад! Ты теперь накрепко сел. Я слышала этот хруст. Счастливо оставаться, а я пошла.

Она поднялась и, преодолевая себя, побрела прочь.

– Стой! – выкрикнул он.

– Чем слепая может помочь безногому посреди леса? К тому же если этот безногий минуту назад хотел убить ее! – крикнула Катя.

– Я не хотел тебя убивать! – взмолился он.

– Ну да, так я тебе и поверила!

Собрав все свои силы, девушка двигалась вперед, в пустоту. Теперь у нее было время на то, чтобы ощупывать дорогу впереди себя. Вытянув руку, она медленно продиралась сквозь лесные заросли.

Где-то за спиной продолжали слышаться стоны Ларецкого. Как же она его ненавидела, этого маленького лысого ублюдка!

Катя шла долго. Время от времени ей казалось, что уже должно было наступить утро... Больше всего ей хотелось в один прекрасный момент поднять голову и увидеть сквозь деревья на небе звезды. Но, увы. Ни звезд, ни чего-то другого не было...

Временами волна отчаяния накатывала на нее. Она не кричала, понимая, что ночью в лесу нет никого и услышать ее крик никто не сможет. В то же самое время она боялась, что петляет вслепую по лесу и может случайно оказаться рядом с Ларецким. Наверняка он уже пришел в себя и сейчас потихоньку пытается поползти до своей машины.

Время шло, и она все шла вперед, ощупывая дорогу. Господи, как она себя ругала за то, что согласилась поехать с этим уродом, будь прокляты его деньги и его машина. Какой

«подарок» она приготовила своей матери! В конце концов, она же выберется из леса, кто-то же ее подберет и привезет домой.

Только эти мысли занимали ее сейчас. Ковыляя в полной темноте, она неожиданно уловила вдалеке звук работающего трактора. Катерина четко слышала шум включенного двигателя. Ветер доносил его откуда-то справа.

Девушка пошла на этот звук, надеясь, что тракторист не успеет уехать далеко. Ну, в крайнем случае, она выберется на дорогу, по которой рано или поздно кто-то другой пройдет или проедет.

Так и получилось. Она все же вышла на дорогу. Катерина поняла это, когда руками ощупала поверхность, на которой стояла. Травы в этом месте не было. Только пыль и ссохшаяся земля.

«Значит, я где-то на опушке леса,— подумала Катя. — И что теперь? Трактор уехал. Когда по этой дороге проедет еще кто-то?»

Не видя для себя лучшего варианта, она просто села и стала ждать. Хотелось есть и пить. Она целую ночь провела в лесу. Но и жажду, и голод можно еще перенести, а вот отчаяние, которое время от времени охватывало ее из-за кружившихся в голове тяжелых мыслей, — невозможно! Она ослепла! Ее не найдут здесь! Было от чего бешено колотиться ее бедному сердцу. В какие-то минуты ей хотелось умереть. Найти толстое дерево, разбежаться изо всех сил — и трахнуть головой так, чтобы и мысли все отлетели... Но шло время, ей удалось взять в себя в руки, и она позволяла себе лишь раскачиваться взад-вперед от боли и отчаяния.

По тому, как заметно потеплело, Катерина поняла, что взошло солнце. Теперь лучи согреют ее измученное тело. Изредка она вставала, делала два-три шага в одну сторону, два-три шага в другую и садилась вновь.

По ее прикидкам было уже одиннадцать дня, когда она услышала звук какой-то машины. Не желая упускать свой, может, единственный шанс, девушка просто легла на дорогу. Она не знала, как лежит, вдоль или поперек, но это, как ей представлялось, было единственным способом привлечь внимание водителя.

Наконец по звукам Катя определила, что автомобиль остановился, у нее отлегло от сердца.

— Помогите, — сквозь вдруг нахлынувшие слезы попросила она. — Я ничего не вижу.

— Что с тобой случилось? — услышала она над самым ухом мужской голос. — Ну-ка, поднимайся.

Сильные руки подхватили ее под мышки и поставили на ноги. У Кати по щекам градом катились слезы.

— Я ничего не вижу. Ослепла, поранила ногу. Мне больно. Отвезите меня, пожалуйста, домой, к маме.

Ее подвели к машине и усадили на сиденье. Она ощупала руками салон.

— Это «Волга» или что-то такое же большое, да?

— «Волга», «Волга». — Екатерина поняла, что подобравший ее человек сел за руль. — Ты что здесь делаешь?

Она не стала отвечать на вопрос.

— Отвезите меня к маме, мама с вами расплатится. Или возьмите вот это.

Она вспомнила про кольцо и решила отдать его, лишь бы ее довели до дома. Однако на пальце ничего не оказалось. Эта мразь успела снять с нее украшение.

— Ну ладно, я думала, что у меня кольцо на пальце, а оказывается, что ничего нет. Отвезите меня домой.

Водитель попросил девушку успокоиться.

— Я, наверное, вся в грязи?..

— Ну, не так, чтобы очень. И давно ты блуждаешь по лесу?

– С сегодняшней ночи.

– До реки, милая моя, тебе осталось всего триста метров. Так бы и до Волги доковыляла.

– Похоже, я ходила кругами. Потому что все и началось почти на берегу Волги.

– Вот оно как. Как тебя зовут?

– Катя.

– А меня – Иван Павлович. Я председатель местного колхоза. Ты давно ослепла? Извините... за такой вопрос.

– Сегодня ночью.

– И где та сволочь, которая с тобой это сделала?

– А что, это так заметно?

Она услышала в ответ горький смешок.

– Я, конечно, еще не все в жизни видел, но к пятидесяти годам начинаешь во многом разбираться, так что... Если не хочешь – не говори, но после того, как я привезу тебя к матери, позвоните в милицию.

– Да-да, – едва слышно проговорила Катя. – Только что это изменит? Я ослепла, и никто не вернет мне зрение.

– Поверь, мне очень жаль, что с тобой произошло такое. Я постараюсь как можно быстрее доставить тебя домой.

Водитель прибавил скорость, ее отбросило на спинку сиденья.

– Да вы зря торопитесь. Куда теперь торопиться? Торопиться надо было раньше, – всхлипывая, проговорила она.

Обхватив лицо руками, Катя вдруг громко зарыдала, а председатель колхоза стал утешать ее по-мужски скупыми словами:

– Перестань, девочка, все обойдется.

Сочувствие лишь прибавило ей жалости к самой себе.

Она продолжала плакать.

– Ну вот мы и подъехали к дому, о котором ты говорила. Это точно сорок восьмой?

– Сорок восьмой, сорок восьмой.

– Только я не знаю, в каком подъезде ты живешь.

– А он угловой. Рядом еще две лавки стоят, на них недавно набили новые доски, так как старые все поломали.

– А, да-да. – Иван Павлович увидел около одного из четырех подъездов новенькие лавки. Правда, у одной из них уже была сломана спинка – мальчики время даром не теряют.

Иван Павлович вывел ее из машины и, поддерживая под руку, повел к подъезду.

– На какой этаж?

– Четвертый.

– И лифта в этом доме нет?

– Нет, – подтвердила она.

Иван Павлович никогда, наверное, не помогал передвигаться слепым, поэтому забыл предупредить, что впереди ступенька. Катя споткнулась, но провожатый успел подхватить девушку и не дал ей упасть.

– Извини, я не подумал, что... ты ничего не видишь.

– Да я в это тоже пока не верю. Вот придет мать с работы, будет ей подарок.

Они поднялись на нужный этаж, и тут выяснилось, что в квартире никого нет, а ключи Катя потеряла.

– Что же делать?

– Вообще-то у нас не очень серьезный замок. Может, вы просто выбьете его?..

Иван Павлович огляделся по сторонам. В подъезде пусто. Действительно, не стоять же с большой девчонкой на лестничной клетке.

– Послушай, ты давно здесь живешь?

– С рождения.

– Хорошо, значит, соседи тебя знают, ведь сейчас мы будем шуметь...

Плотный мужчина подошел к двери и осмотрел преграду, которую ему предстояло разрушить.

– Да. Ничего серьезного. Всего-навсего один замок.

Он отвел Катю к перилам, предложил ухватиться за них.

– Постой здесь, это недолго.

Иван Павлович разбежался и двинул дверь плечом. Дверь затрещала, но не открылась. Со второй попытки он бил уже ногой по замку, и этого оказалось достаточно.

– Вот и все, – удовлетворенно сообщил он.

– А я знаю, я слышала. Слышала, как грохнула о стенку в квартире распахнувшаяся дверь.

– Если дверная ручка немного попортила стену у вас в коридоре, то уж извините.

– Ничего, ничего. Главное, что теперь я дома. Спасибо вам большое. Сколько я должна вам заплатить?

– Да ты что? Ты лучше заходи давай и ложись на кровать, а придет мать – она тебе поможет. Извини, Катя, мне надо ехать.

Иван Павлович помог Катерине добраться до дивана и даже прикрыл пледом, лежавшим в кресле. Потом распрощался и поспешил уйти.

Вера Сергеевна пришла через час и увидела, что дочь спит на диване. Нервы у нее сдали, и, подбежав к Кате, женщина стала трясти девочку за плечо.

– Просыпайся, просыпайся, – бормотала она. – Ты что делаешь? Хочешь, чтобы у меня был разрыв сердца?

Катерина проснулась и, не поворачиваясь к матери, заплакала.

– Мама, уйди.

Вера Сергеевна сразу почувствовала неладное.

– Что случилось с дверью? Ты что, ее сама выбила?

– Да какая разница?..

– Ну-ка, посмотри на меня! – приказала мать.

Катя повернула к ней лицо с незрячими глазами.

– Господи! – Вера Сергеевна побледнела. – Ну-ка, сядь.

Посадив девочку, она заглянула ей в глаза.

– Ты что? Что с тобой? – Она начала трясти Катю за плечи.

– Мама, я ничего не вижу.

– Да как же это? Господи, как же так? Ты, может, дуришь меня? А?

Вера Сергеевна с надеждой посмотрела на дочь – у той по щекам текли слезы.

– Как же?..

– Мама, ты до туалета меня не проводишь? Я ведь теперь совсем ничего... совсем ничего не вижу.

Вера Сергеевна была ошеломлена. Но это же... Нет, она не могла поверить.

– Хватит, Катя. Хватит. Я и так устала. Я всю ночь не спала. Я же вижу, что у тебя с глазами все в порядке. Прекрати смотреть сквозь меня.

– Да ты что, дура старая! Не поймешь до сих пор, что я не вижу ничего! Меня изнасиловали в лесу и по голове трахнули.

Мать села рядом с дочерью, обняла ее и в голос заревела.

– Надо сообщить в милицию. Ты ведь знаешь, кто это сделал.

– Найдет кого твоя милиция? Вот по врачам помотаться – другое дело. Авось что и получится. Дай я пойду приму душ. Смою грязь. Черт, я до сих пор не могу привыкнуть к этой темноте.

– Как же ты выбралась из леса?

– Мама, я тебе все расскажу. Дай только искупаться – я вся грязная.

Мать помогла дочери забраться в ванну, открыла ей воду и вышла.

Вера Сергеевна боялась выпускать свое дитя надолго из поля зрения. Ей казалось, что девочка может наложить на себя руки. Хотя все может не так и безнадежно. Ее ударили, и она ослепла. Серьезная, конечно, травма, но ведь это же что-то связанное с нервами, значит, зрение может и вернуться. Мать утешала себя. Не выдержав, она заглянула в ванную.

– Ты чего? – спросила Катя, не поворачивая головы.

Ей теперь незачем поворачиваться. Ей достаточно просто слышать.

– Ничего, – пробурчала мать и пошла на кухню.

Когда Катерина вымылась, мать помогла ей сесть на стул.

– А почему ты не на работе? Где ты была?

– Где я была? – вяло проговорила Вера Сергеевна. – Ходила в милицию, заявляла, чтобы тебя нашли. Ты думаешь, это так просто – ждать тебя, пока ты там веселишься?

– И что сказали тебе в милиции?

– Сказали, что ты погуляешь денек-другой и придешь. И оказались правы. Только вот здоровье свое ты, девочка моя, оставила в каком-то лесу.

В тоне матери уже не было жалости. Она скорее отчитывала дочь, а не успокаивала ее.

– Вот-вот, видишь, какая ты, мама, всезнающая. Так скажи тогда, что мне теперь делать?

– А я тебе уже сказала. Сейчас я тебя одену, приведу в порядок. Ты останешься дома, а я пойду в милицию. Я этого так не оставлю. И ты даже не пытайся остановить меня. Я понимаю, что у тебя сейчас депрессия. Но я хочу, чтобы та скотина, которая надругалась над моим ребенком, была наказана. И меня никто не остановит.

«И меня», – подумала Катя, но не произнесла эти слова вслух.

Через какое-то время, наверное, ближе к вечеру, мать появилась в квартире не одна. По тяжелым шагам Катерина поняла, что к ним в дом пришел мужчина.

– Здравствуйте, – услышала она бархатный низкий голос. – Я старший следователь Упеков Вадим Леонидович. Я, как вы понимаете, из милиции.

– Да, да, понимаю, – откликнулась Катя, стараясь смотреть в ту сторону, откуда доносился голос.

Она сидела в кресле, поджав под себя ноги и спрятав их под полами халата.

– Я пошла вчера вечером с моим приятелем, с Петром, на свадьбу к его сводному брату...

Упеков внимательно выслушал Катерину, затем задал несколько уточняющих вопросов, после чего сказал, что это дело не должно быть слишком сложным и есть все основания полагать, что гражданина Ларецкого обязательно найдут.

– К тому же, если у него сломана нога, это нам поможет, – заверил бархатный голос.

Катерина не видела этого человека, но она представляла его себе невысоким, с большим лбом и умными карими глазами. Почему-то ей казалось, что у Вадима Леонидовича обязательно должны быть усы.

Когда Упеков ушел, в Катином воображении остался нарисованный ею портрет старшего следователя.

«Красивый мужчина», – почему-то подумала Катя. После всего случившегося у нее не возникло ненависти к мужчинам вообще. Встречаются среди них мерзкие уроды, и на ее беду с одним из таких ей пришлось столкнуться.

– Мам, – позвала Катерина.

– Что, доченька?

– Сейчас ночь или день?

– Сейчас вечер, половина девятого. Как ты, девочка?

– Ничего.

– Ничего не болит?

– Кроме души, в которую нагадили, сволочи. – Она уткнулась в подушку и заплакала.

Вера Сергеевна села рядом и стала гладить дочь по волосам.

– Сейчас тебе нужно набраться сил. Мы с завтрашнего дня начнем ходить по врачам, и, я думаю, нам должно улыбнуться счастье.

– Один раз оно мне уже улыбнулось...

– Ну, ну, ну, успокойся, – мать запустила мягкую руку в дочкины светлые волосы и легонько их потрепала.

В девять вечера никто звонка не ждал. Диван едва скрипнул, когда мать поднялась и пошла открывать.

– Спроси – кто, – бросила ей вслед Катя.

– Это Иван Павлович. Я подвез сегодня вашу дочь. Вы, должно быть, Вера Сергеевна?

Женщина резко распахнула дверь.

– Что вам нужно? – довольно грубо спросила Вера Сергеевна.

– Мама, мама, успокойся, – Катя встала и на ощупь двинулась в коридор. – Я тебе еще не сказала. Этот человек... он сегодня помог мне. Он подобрал меня. Ему надо сказать спасибо.

– Я переживаю за то, что сегодня выворотил вам весь косяк, – сказал Иван Павлович. – Вот пришел доложить, что завтра утром пришлю плотника. Он поменяет всю дверную коробку. Вы уж извините меня за подобные действия, но у меня просто не было времени стоять под дверью. Нужно было ехать, а девочке поскорее лечь.

– Да ничего, ничего. Это вам спасибо за мою дочь. Может быть, пройдете?

– Да нет, уже поздно, а мне до дома час езды. Просто будьте готовы, что завтра часов в десять придет человек и займется вашей дверью. Замок, кстати, не хотите поменять?

– Да нет. Не жалуемся пока. – Вера Сергеевна поблагодарила председателя.

Иван Павлович повернулся, пожелал спокойной ночи, и мать с дочерью еще долго слышали его удаляющиеся шаги. Наконец внизу хлопнула входная дверь.

– Ну, и как тебе мой спаситель?

Мать улыбнулась. Дочь не могла этого видеть, но почувствовала.

– Он мне в женихи годится.

– А что, хорошая была бы пара. Он тебе понравился?

– Ты прямо вот так вот все хочешь знать. Лучше давай-ка мы пройдем с тобой на кухню, я включу там свет, и ты посмотришь на лампочку. Вдруг к тебе возвращается зрение, а ты и не знаешь об этом.

Вере Сергеевне хотелось, очень хотелось в это верить. Подняв голову дочери за подбородок, она попросила ее посмотреть на лампочку, горевшую на кухне.

– Ну как? Видишь что-нибудь?

– Ничего.

Катя убрала руки матери.

– Я ничего не вижу. Все?! Поняла?! И больше никогда, слышишь, никогда не заставляй меня это делать!

Наутро действительно пришел плотник, но он был не один. Председатель колхоза приехал сам.

– Ты одна? – спросил он после того, как Катя, на ощупь провозившись около двух минут, открыла дверь.

– Одна, – подтвердила она.

– Поехали. Я тебя сейчас доктору покажу. Он в Саратове один из лучших. А может, и самый лучший. Профессор.

– Но будет ли из этого какой-то толк?

– Откуда же мне знать? Пока мы съездим, дядя Вася будет заниматься дверью. А к нашему приезду у него должно быть все готово. И думаю, что нужно поставить еще один замок. По нынешним временам у вас слишком уж слабые запоры.

– А у нас и брать нечего, – ответила Катя. – Вы что, не видите? У нас здесь не дворец... Простите, мне одеться надо.

– Я вырастил двух взрослых дочерей, у меня взрослый сын, и если я увижу тебя в рубашке, то беды никакой не будет. Тебе, конечно, не повезло с глазами, но на дорогу ты выползла, надо сказать, вовремя. Ты уж извини меня, говорю, как есть. Я сегодня всю ночь проворочался. Меня сюда совесть привела, да и жена надоумила: мол, это тот случай, когда надо помочь. Раз уж так получилось, что наши пути-дорожки пересеклись, я тебе помогу, девочка. Сколько можно, столько и сделаю.

– Спасибо. Мне только шестнадцать, и я не думала, что у нас еще остались люди, которые могут что-то сделать не за деньги, а от чистого сердца.

– Да, я тоже про себя не очень-то хорошо думал. Сам себе вот удивляюсь.

Он помог найти Кате ее вещи, потом деликатно отвернулся, когда Катя одевалась.

Затем немолодой мужчина и девочка сошли вниз, где он усадил ее в машину.

– Ну что? Как тебе, удобно?

– Удобно, – подтвердила она.

– Тогда поехали.

– Знаете, это не так страшно не видеть, когда сидишь в четырех стенах, а не находишься на улице. Главное помнить, где что лежит, и всегда класть на то же самое место. И тогда можно вполне обходиться без посторонней помощи. Только вот телевизор превратился в радио, а я люблю кино, точнее говоря, любила.

– Ну-ну, – подбодрил он ее, – сейчас приедем к доктору, он даст нам толковую консультацию для лечения.

– А что, ваша жена действительно не возражала, чтобы вы мне помогли? Она знает, сколько мне лет? Она знает, что я высокая и симпатичная, даже несмотря на то, что слепая?

– Знает, знает! – засмеялся он. – Я ей все рассказал. А ты, похоже, убеждена, что мужчины с деньгами все до одного озабочены только тем, как бы затащить к себе в постель красивую девочку. Конечно, жизнь не без того, но есть же границы.

– Границ нет.

Иван Павлович усмехнулся:

– Я не буду с тобой спорить.

Доктор оказался огромным человеком. Это Катя поняла по собственным ощущениям. Огромные руки обняли ее за плечи и усадили на стул, при этом голос доносился откуда-то сверху.

– Так, что тут у нас. Смотри прямо перед собой... Теперь посмотри налево... Направо... Значит, говоришь, что тебя сильно ударили?

– Да, – подтвердила Катерина.

– Куда?

Катя показала на область над правым ухом.

– Понятно, – задумчиво произнес врач. – Так. Прежде чем делать какие-то выводы, давай подождем недельку. Веди спокойный образ жизни. Главное сейчас – лежать. Две недели покоя и только покоя. Никаких активных действий. Я имею в виду наклоны вперед, болтание головой из стороны в сторону. Исключить всякую подвижность. Не волноваться. Нам нельзя допускать, чтобы у тебя поднималось кровяное давление. Запомнила?

– Да. Я сделаю все, что вы говорите. У меня есть шансы, доктор?

– О шансах будем говорить через две недели, а сейчас выполни, пожалуйста, в обязательном порядке все, что я тебя просил.

– Что сказал тебе врач? – поинтересовался Иван Павлович, после того как доктор пригласил его, чтобы он вывел из кабинета пациентку.

– Сказал, что я должна провести две недели в полном покое. После этого надо снова ехать к нему. Вы мне поможете?

– Конечно. Ровно через две недели я приеду, и мы отправимся к профессору в гости.

– А как зовут доктора? Вы мне так и не сказали.

– Тебе это важно? – вопрос прозвучал неожиданно грубо. – Извини, я не хотел тебя обидеть. Здесь нет никакого секрета. Это профессор Лебедев. Олег Савельевич. Кстати, к нему не так-то просто попасть на прием, но говядина, свинина, творог и сметана делают свое дело. Люди городские ценят деревню, и деревня отвечает им тем же. Каждый делает, что умеет.

Они вернулись домой, где их ждала Вера Сергеевна, новая дверная коробка и дядя Вася – умелые руки, которого мама Кати угостила водкой.

– Я смотрю, у вас уже все дела сделаны. – Иван Павлович провел Катерину в комнату и посадил на диван. – Ну, Вера Сергеевна, счастливо вам оставаться, а мы поехали. Так, Василий? – Иван Павлович придирчиво осмотрел работу и остался доволен. – Не зря ты в колхозе лучший плотник. Только что же ты так надрался? Забыл, что тебе сегодня еще в коровнике ворота в порядок приводить? Наш Парнишка погнался за телкой и рассадил их. Бык у нас такой, по кличке Парнишка. Голова размером с обеденный стол. Как-нибудь покажу тебе. А, Катерина, как думаешь?

– Я буду лежать, – в ее голосе прозвучало такое упрямство, что мать с Иваном Павловичем переглянулись. В их взглядах было одновременно и удивление, и одобрение.

«Похоже, воля у нее не сломлена», – именно так можно было понимать дружно поднятые брови матери и председателя колхоза.

После того как женщины остались одни, Вера Сергеевна порасспросила Катерину о деталях поездки и в результате этого разговора укрепилась в своей надежде на выздоровление дочери.

Прошло два дня. Мать снова предложила Кате посмотреть на яркую кухонную лампочку. И снова безрезультатно.

На третий день Вера Сергеевна отправилась в милицию, чтобы узнать, как движается дело ее дочери. У нее из головы не шло высказывание Упекова о том, что расследование не будет сложным.

Вера Сергеевна уже видела, как присутствует на суде, где к длительному заключению приговаривают мерзавца, который надругался над ее дочерью. Она знала, что насильников в тюрьмах не любят, и надеялась, что там с этим подонком сурово посчитаются.

В ночь на одиннадцатые сутки, после того как Катя ослепла, ей в деталях приснились события той кошмарной ночи. Она еще раз пережила весь ужас путешествия по ночному лесу, когда слепые глаза ничего не видят, ноги спотыкаются о любой корень, ветку или бугорок. И самое страшное, что восход солнца ничего не изменил, она все равно ничего не увидела...

Катерина проснулась вся в поту, села на кровати и попыталась успокоить дыхание. Нашарила на полу тапочки и пошла в туалет. Затем побрела на кухню – хотелось пить. Она открыла дверь. Свет не включала. Лишь несколько первых дней ей казалось, что стоит нажать на пупку – и сразу увидишь свет. Однако она очень скоро освободилась от своих иллюзий и больше уже не щелкала выключателем.

Добравшись до кухни, она нащупала чайник на плите и попила прямо из носика. Вспомнила, что где-то в холодильнике должна была стоять баночка с йогуртом. Вере Сергеевне хотелось побаловать дочь чем-то вкусным. Мать, конечно, спала чутко, но сейчас ей хотелось,

чтобы дочь постепенно научилась свободно ориентироваться и самостоятельно брала то, что ей нужно.

Открыв холодильник, Катя приготовилась на ощупь найти баночку. Но тут ей в глаза ударил свет. Девушка вздрогнула от неожиданности и зажмурилась. Она резко захлопнула дверцу холодильника и отступила на шаг. Потом, волнуясь, нащарила на стене выключатель и включила свет.

В надежде она поглядела на лампочку. Катя знала, что лампочка должна быть довольно яркой, но ей удалось разглядеть только нечеткий контур дешевого светильника, висевшего под потолком. Но и это была уже победа! И это уже здорово!

Как выяснилось, частично зрение вернулось к правому глазу.

– Значит, я уже не совсем слепая!

Не выключив свет в кухне, Катерина добралась до комнаты матери.

– Мама, мама!

– Ты что ходишь? – проснувшись, недовольно проворчала Вера Сергеевна. – Ложись.

– Мама, я вижу.

– Да ты что?!

Вера Сергеевна поспешно вскочила с кровати, и они обе направились на кухню.

– Я вижу. Немного. Правым глазом.

– Неужели все образуется? – Мать не верила в свое счастье. – Неужели все образуется! Ты ложись, дочка, ложись, не стой. Доктор сказал лежать две недели.

* * *

– Проходите, Иван Павлович.

Председатель колхоза был поражен.

– Ты видишь?

– Я не могу пока разглядеть вашего лица, а только контуры. В общем, примерно таким я вас себе и представляла. Невысокий, плотный, широкое доброе лицо. Я с каждым днем вижу все лучше. Правда, пока только одним глазом, – добавила Катя.

– Ну вот и отлично. Поехали, доложим о наших успехах доктору.

– Со вчерашнего дня мама вышла на работу. Я теперь в доме одна. Напишите ей записку, чтобы она не волновалась.

– Похоже, ты больше не будешь гулять по ночам.

– Да, – согласилась Катя, – жизнь многому учит.

Они приехали к Лебедеву, который действительно оказался здоровенным дядькой. Доктор был искренне рад, что у Катерины с глазами наступило улучшение.

– Ну что же, в вашем случае это очень даже ничего. Я бы сказал больше, это хорошо. Есть все основания полагать, что зрение полностью вернется к правому глазу.

– А что с левым? – заволновалась Катя.

– Ну, с левым придется еще ждать.

– А если ничего не произойдет, вы сможете вернуть мне зрение?

– Давайте ждать, – уклончиво проговорил врач. – Будем ждать еще две недели.

Когда Иван Павлович привез Катю домой, она не скрывала своего разочарования.

– Значит, все-таки один глаз у меня видеть не будет. Профессор не сказал этого прямо, но я чувствую, что шансов нет. Один глаз восстановится. И то, может быть. А второй, наверное, останется мертвым, ничего не видящим.

– Ты должна лежать. Помнишь, что говорил тебе врач? И все образуется. Кстати, к тебе заходили твои друзья?

– Друзья? А никто ничего не знает. В школе известно, что я на больничном с простудой. Иначе пойдут разговоры: «Раз ослепла, то что случилось? Почему?» Думаете, приятно, если всплывет, что меня изнасиловали?

– Ты так просто говоришь об этом.

– Я – современный человек, и лучше говорить, чем молчать. Быстрее все уляжется.

– Это правильно, правильно, – похвалил Иван Павлович.

– Хотите чаю?

– Давай. Только ты сиди, я сам все сделаю. Надеюсь, через две недели все будет наоборот. Чай у председателя получился вкусный. Вроде из той же пачки, что и мать заваривает, а душистый.

«Может, мне это только кажется?» – подумала Катя. Но его чай похвалила.

Он был доволен похвалой.

– А как твой ухажер?

– Ухажер давно не появлялся. Его, видать, милиция спугнула, вместе с его братиком. Не хотят говорить, где скрывается эта сволочь. Отмалчиваются или бегают. Я в эти дела не влезаю. Только вот две недели прошло, а ухажера нет как нет.

– Что, никого не поймали?

– Нет, его не поймали, – поправила она. – Потому что только я – и свидетель, и жертва.

– Послушай, а почему же к тебе не приставили охрану?

– А кто меня будет убивать? Одноногий Ларецкий? Это вряд ли.

– Но ты говорила, он вроде крутой мужик?

– Он не мужик, он скотина.

– Хорошо. Эта крутая скотина располагает деньгами.

– Да две недели уже прошло – и ничего. И дальше ничего не будет. Все останется так, как есть. Только у меня не будет глаза. Мой глазик! – девушка истерично рассмеялась. – Ха-ха! Безглазая! Высокая, стройная блондинка. Точнее, одноглазая блондинка.

– Прекрати. У тебя сильный молодой организм, и вся жизнь впереди. К тому же со стороны это совершенно не заметно. Не будешь никому говорить, никто и не узнает.

– Но я-то знаю.

Еще через две недели Катя уже могла видеть относительно мелкие предметы, такие, как вилки, ложки, авторучки. Смотрела телевизор, только картинку видела будто сквозь стену воды, которая размывала все детали изображения.

Доктор был доволен явным прогрессом и посоветовал как можно быстрее забыть историю, которая привела к травме.

– Если вы не оправитесь морально, не сможете выздороветь и физически.

После этого он стал подбирать для Кати очки. Одна пара пришлась впору.

– Вижу, вижу, хорошо все вижу. Только по сторонам изображение как-то смывается.

– Все правильно, – согласился доктор.

Теперь она видела в деталях его массивную фигуру с мясистым лицом и умными узкими глазами с набрякшими мешками под ними.

– Спасибо, это совершенно необходимая мне вещь... Теперь я только с очками, да?..

– Ну, есть вероятность, что в скором времени вам и очки не понадобятся.

Спустя еще десять дней Катя поняла, что доктор в своем последнем предположении ошибался. Без очков она видела плохо. Левый глаз пока не подавал признаков жизни, и это действовало на нее удручающе.

Между тем Вера Сергеевна уже несколько раз ходила в милицию, но сдвигов в деле не нашла. Все застопорилось. И казалось, никакого движения впереди не будет.

К ним заходил еще раз сам Упеков. Говорил, что расследование ведется, но, к сожалению, ни Николая, сводного брата Петра, ни Ларецкого задержать пока не удалось. Одного – чтобы допросить, а другого – чтобы арестовать.

На все его слова Катя только кивала головой. Когда же он ушел, она заявила матери, что милиция никого не находит, потому что не хочет искать.

– Ну, я бы так не сказала... – возразила Вера Сергеевна. – Они ищут. Ты же видишь, что люди, замешанные в деле, ударились в бега, спрятались, и найти их трудно, даже, может, невозможно.

– Как это невозможно?! – возмутилась Катя. – Я осталась без глаза, меня изнасиловали, хотели убить, а негодяев найти невозможно? Надо мной надругались, мама, я целую ночь на карачках ползала по лесу. Как же так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.